

«Мы стали Донецком»

Белгородский журналист Никита Парменов — о наступлении, эвакуации, заканчивающихся деньгах на компенсации и ощущении, что Россия не понимает трагедию Белгорода

Обрушение здания произошло после попадания снаряда, выпущенного Вооруженными силами Украины (ВСУ).
Фото: Елизавета Демидова / ТАСС

07:06, 7 июня 2024,

Иван Жилин

спецкор

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

С самого начала боевых действий в Украине Белгород подвергается обстрелам. А с конца прошлого года атаки дронов и РСЗО по городу стали происходить интенсивно — по несколько раз в день. Еще в июне 2023 года Владимир Путин на встрече с «военкорами» в Кремле заявил о возможности создания «санитарной зоны на территории Украины» для прекращения обстрелов. А 10 мая 2024 года российские войска начали наступление на харьковском направлении, что многими было воспринято именно как реализация заявлений о «санитарной зоне».

Но стало ли в Белгороде безопаснее? Что здесь думают о наступлении на Харьков — город, в котором у белгородцев живут друзья и родные? Какова вообще ситуация в регионе, в наибольшей степени затронутом боевыми действиями? Говорим об этом с главредом белгородского telegram-канала [«Пепел»](#) Никитой Парменовым.

«С той стороны — любимые и родные люди»

— Наступление в Харьковской области позиционируют как необходимое для обеспечения безопасности белгородцев. Оно идет уже четвертую неделю. Стало ли в Белгороде и в регионе безопаснее?

— Важно понимать несколько моментов. Во-первых, наступление идет на довольно ограниченном участке фронта: в районе Волчанска и в районе села Липцы. Российская армия, конечно, пытается фронт как-то раздвинуть, но ВСУ контролируют Казачью Лопань, Уды — тот участок границы, который находится даже ближе к Белгороду, чем Волчанск. Оттуда вести обстрелы достаточно удобно. Техническая возможность для обстрела Белгорода из реактивных систем залпового огня сохраняется (расстояние от города до границы — 37 километров, дальность полета снарядов РСЗО — в среднем 40

километров, но на отдельных видах вооружений — до 65 километров).

В то же время надо признать, что обстрелов из РСЗО после 10 мая стало меньше. Вместо этого украинская армия стала активнее использовать дроны. Бывает, что губернатор раз в пять минут пишет: дроны атаковали заправку, дроны атаковали автомобиль, дроны атаковали еще что-то. При этом часто речь идет о гражданской инфраструктуре, гражданских автомобилях и мирных жителях, которые страдают все-таки при атаках на военных, но нередко дроны атакуют и исключительно гражданских.

Словом, пока как минимум рано говорить, что в Белгороде стало спокойнее и безопаснее. Изменился характер ударов по городу.

— А как вообще белгородцы относятся к этому наступлению? Все же Харьков — это особый город для Белгорода: он находится близко — всего в 80 километрах, между жителями родственные связи, многолетняя привычка ездить на выходные друг к другу. У белгородцев остается к Харьковцу теплое отношение и сопереживание или уже нет?

— Здесь, как и везде: часть людей перессорились из-за *** со своими родственниками и друзьями в Харькове, часть — нет.

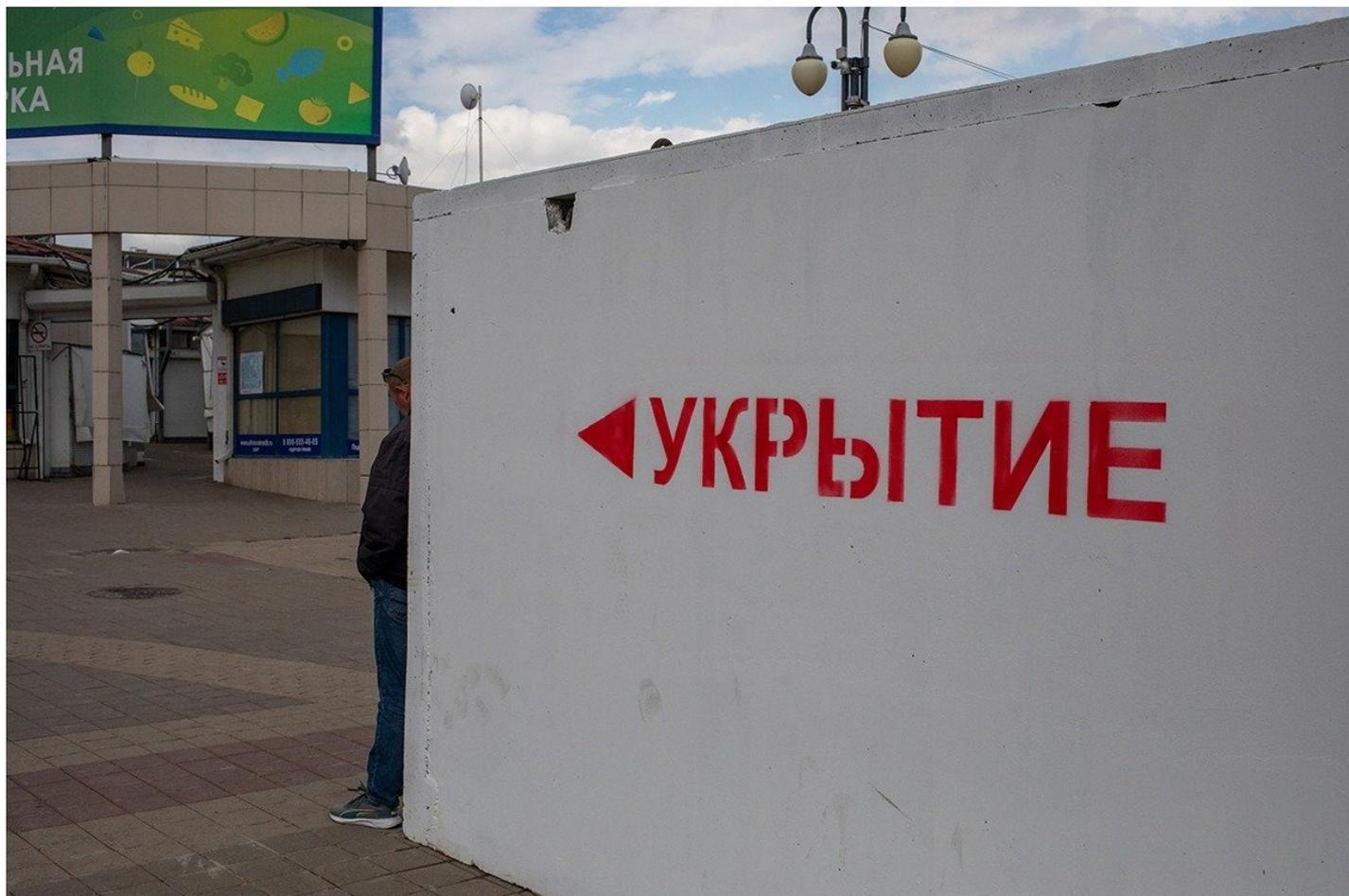
Я бы сказал, что в Белгороде много людей, которые вербально не проговаривают и не выходят на пикеты, но ждут окончания ***, потому что у них с той стороны границы живут любимые и родные люди, и они сохраняют с этими людьми теплые отношения.

Часть людей, даже не имея родственников с той стороны, имеют очень большой опыт взаимодействия с Харьковом и, конечно,

невероятно сострадают городу, в котором либо провели молодость, либо ездили туда на концерты, на чемпионат Европы по футболу, да и просто на выходные.

Многие белгородцы, конечно, очень ждут окончания ***, они часто звонят своим близким по ту сторону границы.

При этом сама петля насилия и ненависти, которая растет с обеих сторон, конечно, способна разрушить любые связи. И это происходит. Белгородцы, безусловно, стали больше ненавидеть харьковчан, как бы перекладывая на них ответственность за обстрелы города, а жители Харькова стали хуже относиться к белгородцам, ассоциируя их с российской армией.

Белгород. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

«Многие стараются не выходить из дома»

— Возвращаясь к настроениям. Март 2024-го. Я приехал в Белгород [смотреть](#), как проходят президентские выборы. И самым страшным мне показались даже не обстрелы, а пустота. Пустой город. Редкие люди на улицах, редкие автомобили. Как сейчас?

— Май-июнь все-таки отличаются от марта своим теплом. Как минимум поэтому людей на улицах больше.

Но нужно понимать, что до конца прошлого года, до трагедии 30 декабря, когда погибли 25 человек, Белгород не подвергался массовым обстрелам. Жители города не сталкивались с тем, что стало происходить буквально каждый день после Нового года. Да, где-то, бывало, упадет «Точка-У», где-то собьют беспилотник. Да, может, погибнут люди — но все это точно, разово.

Такого ада, когда летит огромное количество ракет, когда они у тебя прямо над головой взрываются, когда ты не понимаешь, как от них спрятаться, когда беспилотники влетают в окна, — этого не было. И вот когда это началось, город и стал пустеть.

Во-первых, многие стали просто уезжать из Белгорода. Огромное количество людей из моего окружения уехали в Санкт-Петербург, Москву, Краснодарский край, Воронеж. Есть даже те, кто уехал в Мелитополь, чтобы не быть под обстрелами в Белгороде. И эти люди абсолютно серьезно говорили и говорят, что в Мелитополе все спокойно, нет никаких взрывов, идет обычная жизнь.

Многие белгородцы, конечно, просто выехали в пригороды и дачные поселки севернее аэропорта. Потому что туда не долетает РСЗО. Просто не долетает. В принципе со временем стало понятно, что самый опасный район Белгорода — Харьковская гора, он ближе всего к границе. По центру может прилететь. А северная часть и то, что за ней, — достаточно спокойные.

Кроме того, сейчас у белгородцев уже есть понимание, как действовать при обстреле: как только звучит сирена, все спешат в укрытия; автобусы останавливаются и выпускают людей; двери подъездов автоматически открываются. Впрочем, поправлюсь, с дверями есть проблемы: в последнее время они стали сбивать, и мы фиксировали до десяти обращений от жителей, которые не смогли открыть двери в момент ракетной опасности. Но все-таки и в этой ситуации модель поведения примерно понятна: например, мы знаем истории родителей, которые, когда выходят гулять с детьми, подпирают домофонную дверь каким-нибудь кирпичом.

Одним словом, происходит адаптация. Страх сохраняется, но люди пытаются его рационализировать. Пытаются найти какие-то закономерности.

Белгородская область. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— В марте была такая закономерность: обстрелы происходили около 8 утра, около 12, около 18 и затем уже около 23.

— Недавно звонил другу. Он говорит: «Собираюсь в кофейню сходить». Вдруг, во время разговора, обстрел. Он: «Не, не пойду». Потому что он по опыту предыдущих недель уже высчитал, что вскоре должен быть новый.

То есть люди, конечно, испытывают страх. Он никуда не делся. Но белгородцам все-таки уже менее страшно, чем женщине из Балашихи, которая очень эмоционально [реагировала](#) на сбитый беспилотник. Для белгородцев сбитие беспилотника — это уже абсолютно обыденная история. Если «Точка У» не падает на подъезд, уже неплохо.

Да, многие стараются не выходить из дома без лишней надобности. Есть люди, которые ходят только в ближайšie к

дому магазины. Есть те, кто даже в магазин не ходит и пользуется доставкой. Но все же со временем страх был более-менее рационализирован, причем не только теми, кто остается в Белгороде, но и теми, кто уехал в другие регионы. Люди поняли, как все работает, поняли, что они могут и не могут с этим сделать, и стали возвращаться. Конечно, возвращаются и чисто по бытовым причинам, потому что деньги надо зарабатывать, потому что есть какие-то обязательства. И я думаю, что в целом в самом Белгороде сейчас может быть даже больше людей, чем было в марте.

— Но белгородцы ведь понимают, что ситуация, которая с ними происходит, ненормальная? Россияне с 2014 года видят нечто подобное в телесюжетах о Донецке. Но Белгород — не...

— Белгород стал Донецком. И люди прекрасно это осознают. Все понимают, что та часть России, которая смотрит *** по телевизору — Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и так далее, — смотрит на Белгород точно так же, как когда-то смотрела на Донецк.

И, простите, мы понимаем, что всем, кроме белгородцев, на Белгород плевать.

И это ощущение массовое, свойственное практически каждому жителю города. Но на этом фоне, замечу, растет рейтинг губернатора: потому что он — тот представитель власти, который находится с людьми, который приезжает на обстрелы, дает компенсации, выражает обеспокоенность. То есть он — будто бы свой парень, пусть даже и представитель «Единой России». Он единственный, к кому можно обратиться, кому можно написать комментарий в соцсетях и получить реакцию. Люди это считывают.

Федеральные власти и лично Владимир Путин могут много говорить о каких-то оптимистичных планах, о создании особой экономической зоны в Шебекино. Но шебекинцы прекрасно понимают, что ни в какой особой экономической зоне они жить не будут, что они уже много месяцев и не первый год живут под обстрелами, атаками беспилотников. Они видят, что под разговоры по телевизору на дорогах **устанавливают** знаки «Опасность БПЛА». И понимают: вот это — реальность. А то, как жизнь в Белгороде представляют по телевизору, — это нереальность.

Грайворон, Белгородская область. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Посмотрите телесюжеты: в каждом выпуске новостей 5 минут уделяется Донецкой области и минута, а то и меньше — Белгородской. Это приводит к тому, что Белгород начинает восприниматься как часть «тех» территорий. И мне известны истории, когда белгородцы, уехавшие в другие регионы, узнают, что некоторые люди там уверены, будто Белгород — это такой

же город, как Донецк или Луганск. Есть даже те, кто думает, что Белгород — это Донбасс!

И это, конечно, вызывает дикое, невероятное возмущение со стороны белгородцев. Когда недавно протоиерей Андрей Ткачев, который ведущий на «Царьграде», [заявил](#), что белгородцы недостаточно молятся своему святому, это вызвало жуткое возмущение. До этого у нас был объектом хейта пропагандист Владимир Соловьев, который тоже ляпнул про «мерзкую истерику» белгородцев. Люди видят, что о них говорят на федеральных телеканалах, и чувствуют себя ненужными федеральному центру. И в связи с этим,

я думаю, отчасти идет «создание санитарной зоны», потому что Владимир Путин все-таки понимает, что ему не очень нужен регион, который вот-вот вскипит. И в этом первоочередная ценность губернатора Гладкова, потому что он может «продать» Путину хоть какую-то стабильность в Белгородской области.

Пока Гладков в Белгороде, какая-то стабильность сохраняется, да и в обстрелах винят Украину. Замечу, что я не знаю, чем обстрелы Белгорода мотивировались внутри ВСУ, но если хотя бы каким-то последним пунктом была выработка антивоенных настроений среди белгородцев, то это точно провалилось. Я знаю белгородцев, которые 24 февраля 22-го года были просто в ужасе и выступали против ***, а сейчас, если не поддерживают [боевые действия], то выступают за создание той самой «санитарной зоны».

Эвакуация?

— Еще одна вещь, которую мне доводилось слышать в Белгороде, это запрос на эвакуацию. процитирую человека, который мне это **сказал**: «Я считаю, что Белгороду нужна полноценная эвакуация. Что тех, кто хочет покинуть город, необходимо из него вывезти. И не просто в санаторий под Старый Оскол на две недели, как это делается сейчас, а в другой, безопасный регион». Насколько этот запрос широк?

— Я думаю, что это все-таки не запрос, потому что запрос предполагает, что ты веришь в то, что это может произойти. Мне кажется, что со стороны жителей это просто такой крик в пустоту. Потому что все понимают, что эвакуировать полумиллионный город настолько дорого, что даже невозможно.

Приведу простой пример. С 14 мая ВСУ обстреливают приграничное село Щетиновка. Знаете, сколько времени потребовалось на принятие решения о эвакуации жителей оттуда? Пять дней. 19 мая их эвакуировали. Это село, где в мирное время жили 1000 человек, на момент эвакуации, конечно, меньше, может, 300–400 — сложно сказать. Хотя ситуация там была невообразимая: например, снаряд попал в дом главы села, дом загорелся, но пожарные просто не смогли туда проехать и потушить его, потому что настолько плотным был обстрел. А вы говорите про эвакуацию Белгорода. Куда? Где взять столько жилья? Где взять столько денег?

Пункт временного размещения пострадавших в г. Старый Оскол Белгородской области. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Деньги, к слову, заканчиваются. Мы видим это по компенсациям и восстановительным работам. Губернатор, например, недавно **говорил**: «Я считаю, что дополнительно нужно прибегать к другим мерам, например, сокращать количество автомобилей, которые находятся на открытых территориях в Белгороде. Есть паркинги, да, они частные, но давайте договариваться. Если есть какая-то необходимость, то давайте компенсировать затраты владельцам за нахождение машин в подземных и крытых паркингах. Это точно будет сокращать повреждения автомобилей. У нас не хватит денег продолжать эту историю, просто физически не хватит».

И вот последняя ситуация с **разрушенным подъездом**. Заметно, как сильно изменилась риторика власти. Например, еще полгода назад губернатор бы сказал: всем, кто пострадал, мы дадим компенсации — условно говоря, в миллион рублей. Или по пятьсот тысяч. Сейчас губернатор говорит, что дадим по сто

или даже по десять тысяч, и только тем, у кого прописка есть. Понятное дело, что сто тысяч рублей стоит диван сейчас. А если люди жили без прописки, арендовали жилье и их имущество уничтожено, они не получают ничего. То есть региональные власти уже движутся в сторону чисто юридического подхода.

Если раньше компенсации были вопросом политической стабильности и губернатор **гордился** тем, что «возмещают все, хотя по закону не должны», то теперь идет уклон в формальный юридический подход.

Люди это тоже прекрасно видят: раньше давали, а сейчас не дают. И, мне кажется, стоит наблюдать, как в Белгородской области будет меняться уровень доверия к власти с уменьшением количества денег.

Поэтому, когда люди говорят об эвакуации, это, наверное, все-таки эмоциональный момент: «Ну сделайте так, чтобы ракеты не падали мне на голову». Но мы не можем с ходу эвакуировать даже село на тысячу человек. И я думаю, что абсолютное большинство жителей Белгорода сегодня уже осознают, что никакой эвакуации не будет. И большинство все-таки с этим смирилось.

— Ты упомянул Щетиновку. А какова вообще ситуация в пограничных населенных пунктах? Там же есть и достаточно крупные города: Шебекино, Грайворон, Валуйки.

— Есть очень яркая история из Новой Таволжанки. Это пригород Шебекино, который не только обстреливают, но в который даже заходили диверсионные группы. Там до сих пор ни разу не вводили режим ЧС. Притом что жители **даже**

требовали этого, ведь режим ЧС предполагает эвакуацию. И вот не так давно там при обстреле погибла беременная женщина. Ну чудовищно же. Губернатор сказал дежурное, что никакие слова не способны восполнить боль утраты. А режим ЧС так и не ввели. Власти вместо того, чтобы выкупить у людей их жилье, находящееся на самой границе, почти на линии фронта, восстанавливают их дома после обстрелов. То есть происходит полный абсурд, когда человеку в огород падают снаряды, а ему крышу восстанавливают после прошлого обстрела.

Ну то есть как его эта крыша спасет, если он завтра выйдет в огород картошку копать и в него попадет снаряд или его дом атакует какой-нибудь беспилотник? Но переселить Новую Таволжанку денег нет, а восстанавливать Новую Таволжанку деньги есть.

Шебекино, Грайворон, Валуйки — это, на самом деле, три очень разные ситуации. В Валуйках обстановка очень неожиданная. Город исторически военный, и это довольно важный хаб. При этом ВСУ его почти не трогают, очень редко что-то туда долетает. И в городе в целом идет нормальная жизнь.

Шебекино — город, который бесконечно восстанавливают. Там и обстрелы, и атаки диверсантов, и все на свете, но власти вкладывают очень много денег не в то, чтобы вывезти жителей, а в то, чтобы построить новые дома, чтобы провести ремонты. Там всем повставляли окна, заменили кровли, где полностью дома были уничтожены взрывами — их снесли, а на их месте стали строить новые.

Грайворон — довольно провинциальный, уклад жизни в нем преимущественно сельский. И он очень сильно разрушен обстрелами. Села вокруг него — Козинка, Глотова: там, кажется, целые улицы выгорали. При этом никакой масштабной кампании по восстановлению Грайворона не объявлялось. То есть с людьми на местах как-то работают, говорят: ну вы в

администрацию местную придите, там обсудите, но так как было с Шебекино в 2023 году, когда объявляли на всю область, кому какие компенсации, какие сроки восстановления, отчитывались о темпах восстановления на каждом совещании правительства, — в Грайвороне не произошло.

ПВР в Старом Осколе Белгородской области. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Что сейчас происходит с теми, кто лишился имущества в результате обстрела?

— Эти люди могут попасть либо в пункт временного размещения (ПВР), либо в гостиницу, либо поехать жить к родственникам. Для властей, конечно, самый предпочтительный вариант — с родственниками, потому что тут не надо нести расходов на содержание человека. В ПВР тоже отправляют охотно, потому что там довольно спартанские условия. Это, конечно, не палаточные лагеря, в какие селили беженцев из Украины в 2022 году, но дать человеку койко-место

и трехразовое питание все-таки дешевле, чем снимать ему гостиничный номер.

Я вот даже не могу с уверенностью сказать, что сейчас есть люди, которых селят в гостиницы. Вопрос с компенсациями за аренду жилья тоже какой-то точечный и не очень понятный — в каких-то случаях, как я понимаю, они есть, а в каких-то людям только ПВР предлагают.

Пункты временного размещения обычно располагаются в детских лагерях или в санаториях. Там есть общий душ, множество кроватей и питание. В принципе, все. И люди могут жить там месяцами, абсолютно неограниченное количество времени. Пока их жилье не восстановят или пока в их населенном пункте не станет спокойно.

Как держат стабильность

— Губернатор Гладков на человека стороннего, и на меня в том числе, производит впечатление очень собранного, ответственного чиновника, который вовлекается во все их проблемы, выезжает на места «прилетов», все распоряжается чинить, и главное — это в общем-то чинится. Насколько это впечатление верное? И насколько эффективную политику в целом сейчас ведут белгородские власти в тех условиях, в которых они вынуждены действовать?

— Ну в целом впечатление верное. Хотя важно понимать, что во многом оно сформировано грамотным пиаром, который, если его разбирать детально, иногда выглядит абсурдно. Если посмотреть на последнюю ситуацию с обрушением дома в

Белгороде, то там есть кадры, [опубликованные](#) ТАСС, как губернатор пытается растолкать вместе со спасателями машину во дворе этого дома, чтобы проехала спецтехника. Посыл понятен: глава региона помогает разбирать завалы. Но если смотреть на видео внимательно, то заметишь, что вокруг ходят спасатели без дела, которые просто ждут, пока губернатор закончит съемку для федеральной прессы.

И это, безусловно, часть пиара, которую губернатор может «продать» центральной власти. То есть недавно, допустим, Вячеслав Гладков получил орден Мужества из рук Путина, и получил он его, я абсолютно в этом уверен, за стабилизацию происходящего в таком беспокойном, нестабильном месте, как Белгородская область. В этом плане все выстроено абсолютно верно: никаких протестов, все губернатора уважают, все ему доверяют и так далее.

Когда губернатору вручали этот орден и я немножко решил покритиковать его в личном telegram-канале, ко мне стали приходить люди с аргументом, что губернатор мужественный, он орден получил, потому что приезжает на обстрелы.

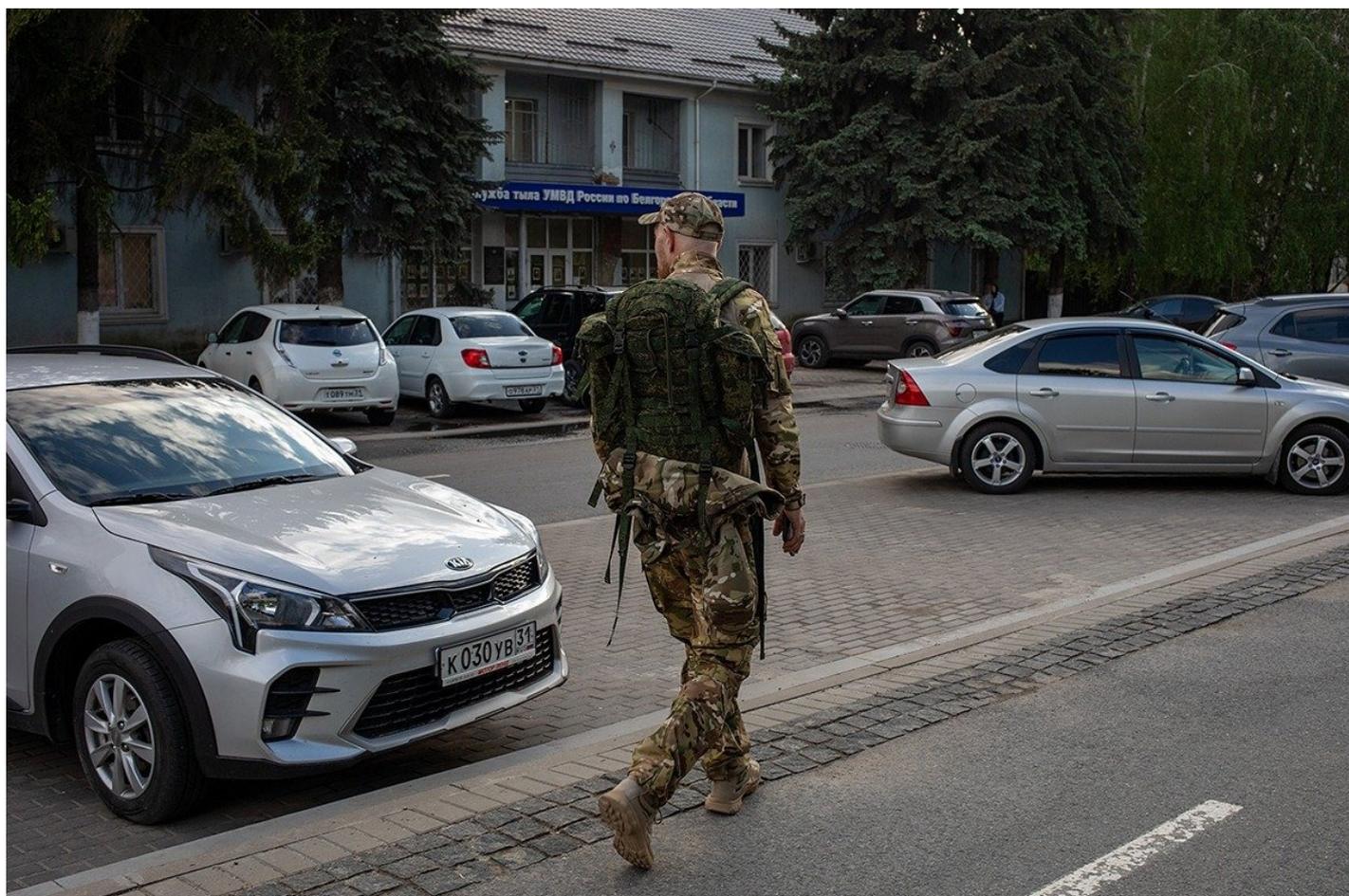
И это очень частый аргумент.

Люди чувствуют оторванность от белгородской реальности федеральных властей, чувствуют, что они находятся между молотом и наковальней: с одной стороны — российская армия наступает, с другой — украинская обстреливает. А губернатор Гладков — это тот человек, который с ними в одной лодочке находится. Вот в мой дом может попасть ракета, но и в дом губернатора тоже может попасть ракета! Вот в мой дом

беспилотник врезался, но губернатор тут, вот он внизу, он не боится, хоть и приехал на бронированном Land Cruiser, но тем не менее он выбежал, посмотрел, не боится.

И да — есть заслуга Gladkova в том, что за машины полноценные компенсации выплачивались, окна вставлялись, какие-то ремонты проводились.

И еще важно: Gladkov старается не лгать. Он не выдумывает причину, не придумывает виновных. Например, два разных сообщения: «мирные жители не пострадали» и «пострадавших нет». Из первого сообщения можно сделать вывод, что пострадали военные, из второго — что не пострадал вообще никто. С началом ***, хоть Gladkov некоторые и считают таким «военным» губернатором, он все же существенно сепарировался: вот я — и гражданские дела, гражданские пострадавшие, а вот военные — и их военные дела. И я думаю, что это отдельное правило — не врать — тоже работает на него. Да, многие вещи, которые он сообщает, приходится дешифровать, но он не обманывает. И этим, конечно, тоже нравится жителям.

Белгород. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Ты говоришь, губернатора нужно дешифровать. А вообще есть ли в Белгородской области какая-то особая цензура, ограничения в распространении информации, которых нет в других, менее вовлеченных в боевые действия регионах России?

— Нельзя говорить ни о чем, что не проговорено официально властями. Наверное, так правильно сформулировать. Я бы не называл это цензурой в том виде, в каком она обычно представляется людьми: нет никакого органа, куда нужно носить материалы на согласование. Но есть самоцензура, причем иногда она приобретает удивительные черты. Например, белгородские СМИ почти не пишут об обстрелах Харькова. В то время как работающие здесь журналисты ТАСС прекрасно об этом пишут и даже цитируют мэра Харькова. Почему так происходит, для меня непонятно...

Белгородские медиа полностью игнорируют произвольное

падение авиабомб, хотя федеральные СМИ все-таки иногда о них [пишут](#).

Но я бы сказал, что это некая friendly цензура. Суть в чем: после начала боевых действий правительство под соусом того, что нужно ускорить коммуникацию между медиа и органами власти, создало чат с руководителями региональных СМИ и telegram-каналов. В этом чате нет такого, что тебе прямо запрещают что-то публиковать. Но, например, когда падает ФАБ и местные жители начинают массово писать в предложки telegram-каналов, слать фотографии воронки и разбитых машин, администраторы этих каналов идут в чат и спрашивают, что им делать. Человек, который отвечает за связь власти и медиа, идет к начальству, и через какое-то время появляется комментарий. И дальше со ссылкой на этот комментарий СМИ информацию дают.

Но это совершенно не похоже на то, что какой-то автор, склонив голову, идет спрашивать у цензора, как ему писать. Нет,

там абсолютно friendly атмосфера, где все как бы друзья, все друг друга знают — и давайте никто не будет «исполнять». При этом любые отклонения от этой линии внутри чата осуждаются, порой даже начинаются разговоры о «работе на украинскую разведку».

Кроме того, сохраняются внутрорегиональные рычаги: государственные рекламные контракты, которые можно дать, а можно не дать, другие механизмы. И я знаю примеры, когда владелец медиа уехал из России, но по каким-то причинам все равно соблюдает вот эти внутренние правила.

— Твой telegram-канал, хоть и пишет безоценочно, но все же явно ограничений этого чата не соблюдает. Поступают ли тебе из-за этого какие-то угрозы?

— Я бы, во-первых, не сказал, что мы ведем какой-то острый канал. У нас нет ни капли субъективности или каких-то умозаключений, которые давали бы оценки. Мы пытаемся просто понять, что происходит в приграничье, в Белгородской и Харьковской областях, исследовать ситуацию. И подаем именно факты, но не с точки зрения какой-то остроты или оппозиционности. Поэтому что касается угроз, то таких, которые можно было бы воспринять всерьез, как руководство к действию, не поступало. Были такие люди, которые писали, что отрежут голову отцу, убьют брата, но не думаю, что стоит воспринимать такое всерьез, — это исходит не от тех, кто обладает властью или силовым ресурсом.

И очень много, напротив, благодарности и вовлеченности со стороны белгородцев. Были люди, которые писали мне, что изменили отношение своих близких к происходящему, подписав их на «Пепел».

Село Козинка, Грайворонский район, Белгородская область. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Как белгородцы представляют себе окончание боевых действий?

— Я не думаю, что они как-то себе это представляют. Я думаю, что белгородцы, как и все люди, которые попали внутрь ***, не имеют особо времени на рефлекссию. Когда в тебя летит снаряд, у тебя нет времени сильно думать — тебе нужно как-то выжить.

Поэтому белгородцы, мне кажется, просто безусловно хотят окончания боевых действий, и им абсолютно плевать, кто там на фронте какие территории займет. Есть просто желание, чтобы *** выключилась, как телевизор, как лампочка. Наплевать, как это произойдет. Все говорят: ай, как классно, чтобы закончилось.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Невыносимо громко](#)

В России оплакивают мирных жителей, погибших в ходе спецоперации

10:10, 17 апреля 2024, Иван Жилин, Анна Артемьева